

Глава 1

ШКОЛА В СКАРЕДО

Шурасик стоял перед зеркалом и, скрестив руки на груди, критически изучал своё отражение. Большая щель между передними зубами, бледное лицо, маленький подбородок, рассыпанные по щекам веснушки, похожие на гречневую шелуху, и дюжина прыщей, предательски пунцовевших на умном выпуклом лбу. Шестнадцать мальчишеских лет во всех своих неутешительных проявлениях. Шурасик так ненавидел своё отражение, что ему хотелось искусать стекло. Или даже разбить, растоптать... Порядок произвольный. Всё по алфавиту или единовременно.

«Блин... как не совпадает моё внутреннее самоощущение и то, что я есть на самом деле! Какое-то хамское несоответствие! Измена! Ложь! Гадость!» — с омерзением размышлял Шурасик.

Отражение лупогазо созерцало оригинал из глубин стеклянной вселенной. Оно явно глумилось, светофорно мигало прыщами и блестело красным носиком с расширенными сальными порами.

— Топало бы ты отсюда, убогое, а?! По-хорошему просят! — срывающимся от ненависти голосом попросил Шурасик и, выпустив искру, подкрепил просьбу коротким заклинанием «Изыдис».

Искра — а это была классическая красная искра чёрного мага — неумолимо скользнула к стеклу. Оскорблённое отражение с достоинством передёрнуло узкими плечами, повернулось спиной и, шевеля сутулыми лопатками, зашаркало в зеркальные дали.

Шурасик бессильно погрозил двойнику кулаком и вернулся к столу. Между старомодной чернильницей и исписанным практически в ноль магическим карандашом малютки Клоппика лежала записка. Записку сегодня утром загадочно просунули под дверь. По листу бумаги, наспех выдранному из заурядной тетради, прыгали дразнящие буквы:

О, Марс моих грёз, закат моего разума, кошмар здравого смысла! Жду тебя в час ночи у фонтана в парке!!! Дрожу и падаю в обморок... (пуф, упала)!!!!!!

Таинственная поклонница

Шурасик перечитал записку в тринадцатый раз и с сожалением обнаружил, что никаких проясняющих слов не появилось. По-прежнему было непонятно, от кого записка и стоит ли её воспринимать всерьёз.

«Существует вероятность, что это чья-то шутка... Но с другой стороны, хм... А вдруг она придёт, а я нет? Неловко получится», — утопая в сахарном сиропе мечты,

подумал Шурасик. Его склонное к идиллиям неопытное воображение послушно нарисовало стройную девичью фигуру. Вот она приближается, вот чёрные глаза страстно гипнотизируют его, вот она кладёт ему руки на плечи и...

Чья-то рука легла Шурасику на плечо. Отличник завопил. Как все мечтатели, он был разочарован слишком быстрым переходом от желаемого к действительному.

— Ты что, перегрелся? Выключи немедленно звук! — распорядился Жора.

Шурасик послушался. Он уже сообразил, что это Жикин, незаметно вошедший в его комнату. Всего лишь Жикин, которого Шурасик ставил в эволюционной иерархии выше морской свинки, но ниже верблюда.

— Как ты здесь оказался? — спросил Шурасик ледяным голосом. Однако подносить к нему спичку в этот момент не рекомендовалось.

— Э-э... Как ещё? Проверенным лопухоидным способом. Через дверь, — сказал Жикин.

— Разве она не была заговорена? — спросил Шурасик и почти сразу вспомнил, что забыл это сделать. — А что, постучать было нельзя?

— Стучать? Фи, как пошло! Стучат стукачи. Умные люди информируют общественность через телефон доверия, после чего тщательно протирают уличный автомат одеколоном! — сказал Жикин, деловито оглядывая комнату.

Записка на столе не укрылась от его многоопытного взгляда.

— Тэк-с. Что у нас там? О, «жду у фонтана... обморок... поклонница!». Не сам написал, нет? Не обижайся, это я так, в порядке общего бреда!.. От кого это?

— Отдай! — потребовал Шурасик. Однако потребовал не слишком решительно. В глубине души он был не прочь получить от Жикина совет.

Жора поднёс записку к носу и профессионально, как ищейка, обнюхал её со всех сторон:

— Блин... Даже по запаху духов не могу определить, кто это! Никогда со мной такого не было... Признавайся, ты занимался в комнате зельеварением? Яд гарпий, пот хмыря, сальные волосы старых гномов?

— Ага. Вчера.

— Вот я и говорю. Если записка чем-то пахла, ты всё заглушил своей химической вонью.

— А почерк ты не узнаёшь? — с надеждой спросил Шурасик.

— Почерк... м-м... явно подвергнут заклинанию трансформации... Вот смотри: если я здесь за бумагу берусь — он такой, а если тут — то совсем другие буквы. Нет, это не первокурсница, точно. Раньше четвёртого курса такие заклинания не проходят... Что там у нас ещё? Ошибок нет, запятые на месте. Неважный симптом. Я бы предпочёл по две ошибки в каждом слове.

— Почему это?

— Ну, милый мой!.. Сразу видно дилетанта! — всплеснул руками Жикин. — Сильно умные девчонки вечно грузят мозги себе и другим. И восклицательных знаков я бы предпочёл поменьше. Много восклицательных знаков — первый признак истерички.

— Ты ничего не понимаешь! — оскорбился за незнакомку Шурасик.

— Да уж конечно. Я ничего не понимаю. Я весь такой наивный, прям из бачка унитаза суп ем! Чок-чок-чок, я у мамы дурачок! — фыркнул Жора.

Он почесал нос, задумчиво пожевал губами и решительно предложил:

— Знаешь что, давай я пойду на свидание вместо тебя. У меня сегодня как раз окно. Я с этой таин-

ственной поклонницей в десять минут разберусь. Я ей устрою закат разума!

Шурасик вспыхнул. «В кои-то веки получить записку — и чтобы на свидание вместо меня отправился этот пошлый индюк и трогал жирными пальцами хрустальный кубок моей мечты!» — патетично возмутился он.

— Только сунься! — сказал Шурасик, сцепив зубы. — Жикин, я тебя предупреждаю! Наткнушь на тебя ночью у фонтана — пожалеешь!

— И что же? По физиономии мне дашь? Ой, боюсь-боюсь-боюсь! Иди купи себе самоучитель, как сжимать кулак! — издевательски посоветовал Жикин.

— Мне кулак не нужен. Так сглажу — до смерти волосы на зубах расти будут! Никакая Ягге не поможет! — звенящим шёпотом сказал Шурасик. По его перстню пробежала тёмная молния.

Он не угрожал — он сообщал, и неглупый в бытовых вопросах Жора ощутил разницу. Слова Шурасика не были блефом. Все в высшей школе знали, что по части чёрной магии Шурасик не имеет себе равных. Пару раз в самых сложных случаях с ним консультировался даже сам Поклёп.

— Ладно-ладно, Шурасик! Ради нашей дружбы — всё что угодно! — уступил Жикин. — Но с чего ты решил, что записка тебе? Она же не подписана!

— Мне её принёс купидон! — двумя руками вцепившись в своё призрачное счастье, заявил Шурасик.

— То-то и оно, что купидон!.. Пухлые обжоры вечно ошибаются! Для этих пройдох с крыльшками мы, маги, все на одно лицо, как эфиопские джинны. Мне вон позавчера, прикинь, доставили розы! Громаднейший букет! Сунул в окно сухофрукт с крыльшками, развернулся и улетел, мелодично икая. Небось конфеты были

с ликёром, раз его так развезло! Я удивился, стал букет исследовать, а там, вообрази, записка. Прикольная такая: «Я тебя забыл, но розы помнят. Г.П.». Я рыдаль! Я умирал от смейха! Розы помнят, ха-ха! Может, ещё и корзина помнит?

— Ты всегда читаешь чужие записки? — возмутился Шурасик.

Он понял, что его записка не была исключением.

— Бриллиантовый мой, откуда ж я знал, что она чужая? Если бы на конверте так и было написано «Чужая записка, строго не для Жикина», я б, конечно, воздержался, как честный человек. Ну минут пять хотя бы воздержался. А то ведь ни слова! Даже намёка не было, что записка Таньке. Может, она Ритке Шито-Крыто или... хе-хе... Зубодёрихе! Вообрази себе только: Пуппер и Зубодёриха! Роковая парочка!

— С розами-то ты что сделал? — оборвал его Шурасик.

— Розы я своим девочкам раздарил. Девяносто девять роз — и то, вообрази, не всем хватило. Я дико популярен в этом лягушатнике! — сладко потирая руки, сказал Жикин.

— А Таньке ты ничего не сказал? — уточнил Шурасик.

— С какой стати я буду Гроттерше докладывать? Я ей что, «Последние магвости»? Хочешь всё знать — купи себе дятла-почтальона или подпишись на «Сплетни и бредни»! — заявил Жикин.

Шурасик поковырял пальцем в раковине правого уха, удаляя из неё остатки ненужных слов. Жикин начинал ему надоедать. Он был какой-то мелкий, без полёта. Жору нужно было прописывать в терапевтических дозах в качестве примера жизненной пронырливости при отсутствии способностей — не более того.

— Ты зачем пришёл, Жика? Про Пуппера поболтать? — спросил вдруг Шурасик.

Вся глумливость с лица Жоры мигом улетучилась.

— Да ну его, этого Пуппера! — отмахнулся он. — Слышал, что сегодня сказал Сарданапал? Скоро мы все должны будем пройти испытания Теофедула. Что он вообще за птица, этот Теофедул, ты в курсе?

— Не Теофедул, а Теофедулий! Теофедулий, один из учеников Древнира, вошёл в историю как составитель универсального магического теста для выпускников высших школ чародейства. По результатам теста определяются магическая квалификация, уровень волшебных способностей и перспективы зачисления в магспирантуру. Это могут быть магспирантуры Тибдохса, Магфорда или любого другого учебного заведения, имеющие сходный магический профиль, — не задумываясь выпалил Шурасик.

Выпалил — и грустно подумал: «Ну что я за кладбище эрудиции? Разве так можно?»

Жикин торопливо придвинулся к Шурасику. В зеркале, которое недавно беспощадно высмеивало тибдохского ботаника, отразился точёный жикинский профиль.

— Слушай, э-э, Шурасик... Я всегда хорошо к тебе относился, был твоим единственным другом...

— Ты был моим другом? М-да... Короче, чего тебе надобно, старче?

— Ты не сможешь мне пройти тест этого идиота Теофедулия? Ответы там напишешь за меня, а?

Шурасик с насмешкой уставился на Жикина:

— Кто-то из нас двоих явно перегрелся! И этот кто-то не я!.. Думаешь, Теофедулий ничего не предусмотрел против списывания? Он усилил тест заклинанием множественности. Теперь оно имеет восемьсот только непосредственных воплощений, не считая вопло-

щений в Потусторонних Мирах. Столько же воплощений в Аиде и Эдеме. Ну-с, какова вероятность того, что нам с тобой достанется один вариант?

— А вдруг повезёт! Я в свою звезду верю, — нерешительно предположил Жикин.

— Допустим. Но все тесты раздаются на одно-взглядной бумаге. Ты в курсе, что такое одно-взглядная бумага? Для всех, кроме тебя, она будет казаться абсолютно чистой, хоть ты сожги её с досады. Вопросы проявятся для проверки только после того, как к тесту будет приложен личный перстень Сарданапала. Ну и, разумеется, Зуби на всякий случай натянет десяток страховочных заклинаний. И Поклёп будет шастать между рядами... — перечислил Шурасик.

С удовольствием садиста он наблюдал, как лицо Жикина скукоживается и приобретает клянчащее выражение профессионального нищего. Жикин кинулся к нему и принялся трясти его за майку:

— Шурасик, придумай что-нибудь, я умоляю! Если я не наберу достаточно баллов, мне поставят в аттестате штамп условной магической пригодности. С ним меня ни на одну нормальную работу не возьмут! Только работать сутки через трое в пункте приёма кувшинов из-под джиннов. По закону подлости такие пункты устраивают или в пустыне Сахара, или в Антарктиде. Или придётся таскать чемоданы за какой-нибудь дремучей ведьмой, которая едет на Лысую Гору заказывать себе новый парик и самозахлопывающиеся алмазные челюсти! Ну сделай что-нибудь!

Шурасик назидательно воздел палец к потолку:

— Во-первых, убери щупальца! Во-вторых, помочь тебе невозможно. Теофедулий предусмотрел всё, что только можно было предусмотреть. Во всяком случае, на тот момент, когда этот тест составлялся.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Жикин.

— Ну, тесту уже много столетий. Магия с тех пор чуток усовершенствовалась, и если очень хорошо подумать...

— Подумай, Шурасик, прошу тебя!

— Ну что тут можно предпринять? Да ничего... Хотя чисто теоретически заклинание множественности можно перекрыть заклинанием усиления вероятности Кекуса Кровавого, которое он применил в битве магов у Волосатой Реки. Правда, для этого придётся узнать, где именно ты будешь сидеть, и нарисовать внизу на столешнице семнадцать взаимосвязанных рун... Одно-взглядную бумагу можно провести... э-э... скажем, за-благовременным применением магии второй сущности.

— Второй сущности? — переспросил Жикин.

Шурасик уставился на него с состраданием:

— Что я слышу, Жика? Сдаётся мне, ты недостаточно внимательно читал труды Ферапонта Элегиуса III, известного также как Азиатский узник. Разумеется, трудов Ферапонта нет в школьной программе, они крайне занудны даже для меня, существуют в единственном свитке и вообще создавались в седьмом веке, но не знать их непростительно!

— Я их знаю, только мне напрягаться влом! А что он такое накорябал, этот Ферапонт Элегиус?

Шурасик прищёлкнул языком:

— Фу, какой ты прозаичный! Ты явно не догоняешь свободное парение моей мысли!.. История жизни Ферапонта крайне поучительна, друг мой Жика... Это был авантюрист, поэт и учёный. Три в одном, как пишут на лысегорских отвёртках. В них кроме часов встроен датчик вампиризма, который глючит на вурдалаках и срывает на родную бабушку. Ферапонт отправился в Азию изучать секретные маготехники, разозлил баба-

ев, которые, собственно, и держали их под секретом, был схвачен и провёл в темнице сто семьдесят два года, охраняемый пятью глухонемыми неподкупными стражами. Правда, потом оказалось, что вместо Ферапонта все эти годы — ха-ха! — в темнице просидел правитель бабаев султан Максуд. Ферапонт изыскал способ поменяться с ним телами и преспокойно изучал маготехники, находясь в чужом теле и совершая экскурсионные вылазки в султанский гарем. Узнав всё, что ему было надо, он освободил своё прежнее тело особо изданным приказом, вновь переселился в него и благополучно скрылся. Позднее он написал труд, тот самый, Жика, тот самый...

— Про вторую сущность, что ли? — спросил Жикин. Его красивое лицо выразило блаженное недоумение идиота.

— Вот именно! — обвиняюще продолжал Шурасик. — Говоря упрощённым языком, магия второй сущности состоит в принятии дополнительной личности путём прохождения обряда раздвоения. Другими словами, ты переселяешься из тела в тело произвольно по собственному желанию, если владелец тела хотя бы раз — пусть даже случайно — даст тебе разрешение... При этом право выбора имеешь только ты. Другой, тот, кто дал разрешение, по умолчанию удовольствуется тем телом, что осталось. Понял?

— Ага! То есть ты сможешь проникнуть на время в моё тело, посмотреть моими глазами на одновзглядную бумагу, которая ничего не заподозрит, и решить за меня мой тест? — попытался уточнить Жикин.

— Умничка, Жорик! Я всегда подозревал, что ты гений!.. Только ещё не факт, что я захочу переселиться в твоё тело.

— Я тебя прошу, Шурасик! Всё что угодно! Я тебе всю жизнь помогал! — взмолился Жикин.

Шурасик прищурился и задумчиво повертел в пальцах карандашик, разглядывая на нём следы своих зубов:

— Ты помогал мне? Что-то я не припоминаю. Возможно, такое случилось в прошлом воплощении, когда ты был ослом, а я твоим погонщиком.

— Ш-ура-а-сик! Ну па-аче-ему ты та-акой! — артистически взвыл Жикин.

Шурасик встал во весь свой немалый рост.

— На колени! — велел он.

— Чего? — не понял Жикин.

— На колени! Бескорыстно пускай тебе беленькие маги помогают!

Жикин опустился на колени с такой стремительностью, словно ему подпилили ноги бензопилой.

— А теперь сможешь? Обменяешься со мной на экзамене телами? — спросил он с надеждой.

— М-м-м... Ну... возможно, что и помогу... — протянул Шурасик, задумчиво созерцая коленопреклонённого Жикина.

— Только это будет временный обмен! — поторопился добавить Жикин.

— Само собой. На пять минут, и то с величайшим омерзением... И ещё одно: когда окажешься в моём теле, не вздумай давить мои угри! Я этой чести никого не достаиваю!

— Хорошо, клянусь. И ты поклянись, что сможешь! — потребовал Жора.

— Предусмотрительный ты, Жикин, аж жуть! Пряма тиха украинская ночь, но сало лучше перепрятать, — протянул отличник.

— Ну поклянись! — продолжал ныть Жорик.

— Хорошо! Будут тебе санки, будет и свисток... *Разрази громус!* Клянусь, что тест ты сдашь! — чётко и ясно произнёс Шурасик.

Жикин поднялся с колен и деловито отряхнул брюки. Он слегка удивился, что Шурасик дал такую серьёзную клятву, однако долго удивляться было не в его правилах. Он уже получил согласие, а больше ему от Шурасика ничего было и не нужно. И теперь Жикин хамел на глазах:

— Договорились! Свистни мне, когда надо будет проходить обряд! Пока, Шурочка! Спокойной тебе ночи в твоей грустной комнатке, заваленной книжечками! Будь хорошим мальчиком! Меняй подгузники!

Когда за Жорой закрылась дверь, Шурасик вновь вернулся к зеркалу. Вернув на место обиженное отражение, он посмотрел на своё бледное некрасивое лицо, на маленький подбородок, на оттопыренные уши и неожиданно расхохотался.

— Всё-таки ты дурак, Жикин... Круглый дурак! — сказал он.

* * *

Около полуночи Шурасик тщательно оделся, почистил зубы и обувь и, поразмыслив немного, вылил на себя полфлакона мужской туалетной воды «Маленький мачо». Флакон был выписан полгода назад по каталогу с Лысой Горы, но до сих пор так и не опробован. Случая как-то не было. Хотя, если верить прилагаемому сертификату, одной капли туалетной воды (до, после, в процессе или вместо бритья) было достаточно, чтобы растопить самое холодное сердце. На этикетке мелким шрифтом значилось: «Осторожно! При превышении дозировки девушки мрут от любви как мухи!» Однако наученный горьким опытом Шурасик не доверял рекламе и потому превысил дозировку раз в восемь.

Закончив все приготовления, он выскользнул в коридор и осторожно, стараясь не производить шума, стал

пробираться через Жилой Этаж к лестнице. По обе стороны слева тянулись двери комнат. Тибидохс жил ночной, особенной жизнью.

Из комнаты Гуня Гломова доносились вопли, звон мечей и глухие страстные удары кулака в стену. Судя по мощи ударов, они были усилены «Гломусом вломусом». Потом страшный бас произнёс:

— Моя жизнь — длинный шрам, моя судьба — боль! Я давно готов умереть — а вот готов ли ты? Положи вилку, хмырь, и отойди от могилы!

Шурасик вздохнул. Он догадался, что Гуня настроил зудильник на лопухоидное телевидение, посмотрелся фильмов про вампиров и теперь обогащает свой тактический арсенал наездов и запугиваний.

— Не, так как-то фигово... Слишком длинно! — продолжал вслух рассуждать Гуня. — А если то же самое, но чуток в доброжелательном духе: «Не дразни меня, чувак! Я очень зол с того дня, как меня убили!» М-м-м... А чё? Нормуль! А если так: «Чьи это хорошенькие глазки плавают у меня в чае? Чтааааа?!»

Хотя эти слова явно были обращены не к нему, Шурасику стало неудобно, и, покрутив пальцем у виска, он поспешно прошмыгнул дальше.

От двери Демьяна Горьянова пахло прокисшим молоком. Рядом с Демьяном вообще прокисало всё подряд, а его доброжелательного взгляда опасался даже циклоп Пельменник. Тревожась, что его одеколон утратит волшебные свойства, Шурасик поспешно пробежал мимо горьяновской двери мелкой трусцой.

Семь-Пень-Дыр, живший по соседству, комкал во сне чёрную простыню и метался в банковском кошмаре, пытаясь извлечь годовой процент из нуля бубличных дырок, которые во сне называл «дурками». Процент упорно отказывался извлекаться, изводя жадного

Дыра. Затем в кошмаре Пня явно что-то поменялось. Он спокойно повернулся на другой бок и сказал трезво и чётко: «Теперь главное понять, какая из этих двух выдр настоящая». После чего заснул уже без всяких сновидений.

Из комнаты Генки Бульонова доносилось непрерывное бормотание. Прислушавшись, Шурасик убедился, что Бульонов разучивает базовые заклинания элементарной магии, причём разучивает не без некоторых успехов. Изредка бормотание сопровождалось сухим потрескиванием кольца — это означало, что перстень искрой откликается на магию.

«Ударения не всегда правильно ставит! А вообще молодец, быстро навёрстывает!» — снисходительно подумал Шурасик и тотчас раскаялся в своей снисходительности.

В комнате Бульонова что-то загрохотало. Немного левее головы Шурасика в двери возникло отверстие размером в кулак. Шурасик трусливо присел и ретировался.

— Нет, вы видели? Чёрный маг разучивает белое заклинание «*Искрис фронтис*», паля по казённой мебели, — и где? В закрытом помещении! — пробормотал он.

На пересечении коридоров Шурасик едва не столкнулся с Лизой Зализиной, которая, помахивая зонтиком, назойливо прогуливалась у комнаты Ваньки Валякина. Не заметив Шурасика, Зализина повернулась к двери и громко, явно уже не в первый раз, произнесла:

— Ты не мужчина, Валякин! Ты мизер, размазня, пустое место! И не смей заговаривать дверь! Я хочу с тобой объясниться!

— Лизон, я спать хочу! Я уже двести раз тебе говорил: отстань! — жалобно откликнулся Ванька.

— Ты говоришь так потому, что не уверен в себе! Гроттерша задушит тебя своей серостью! У неё не жизнь, а сплошные неприятности! Открой мне дверь, я требую! Я не дам тебе погибнуть, я спасу тебя даже против твоей воли!

— Это ты так думаешь.

— Ты боишься меня, и я знаю почему! Ты духовный банкрот, опустошённая личность! Ты не хочешь слушать меня, потому что я голос твоей совести! Открой, ничтожество! — завывала Зализина.

— Лизон, сделай одолжение: выпей валерьянки и иди спать! — хладнокровно отвечал Валякин.

Но Зализина не желала пить валерьянку. Она желала буянить, стучать в дверь ручкой зонтика и спасти Ваньку от пошлого быта. Шурасик, которому она мешала пройти, вынужден был кашлянуть. Зализина оглянулась, замахнулась зонтиком и зашипела, как кошка:

— Подслушиваешь? У тебя что, своей жизни нет?

— Есть, Зализина. Всё у меня есть. Именно поэтому я и хочу пройти, — сказал Шурасик, по привычке к научному наблюдению констатируя, что туалетная вода «Маленький мачо» оставила Зализину совершенно равнодушной.

* * *

Тёмными путаными лестницами, следуя причудливым всплескам факелов, Шурасик выбрался из Тибидохса. Пельменник сидел у подъёмного моста на деревянной чурке, ковыряя пальцем в зубах.

Заметив, что кто-то идёт, циклоп потянулся было к секире, прислонённой к перилам, но поленился её брать и ограничился тем, что, как шлагбаумом, загородил проход ногой.

— Ночью не положено! Личный приказ Сарданапала! — сказал он голосом, в котором звенело служебное рвение.

Шурасик молча сунул ему копчёный окорок, которым заблаговременно запасся сразу после ужина.

— Ага! Дача взятки должностному лицу! Ссылка в копи к гномам, до трёх лет! Сейчас вызову дежурный караул! — воодушевился циклоп.

— Смотри, окорок заберу! — раздражённо пригрозил Шурасик.

Пельменник перестал буравить его единственным глазом и взял окорок.

— Совсем народ шутки перестал понимать!.. Слышь, ты там скажи ребятам, чтоб в другой раз пива приносили. А то на сушняк ничего не лезет, — зевнул он и убрал ногу.

Шурасик вышел в парк, примыкавший к пруду. Пруд стабильно пованивал тиной. Шумел камыш. Деревья гнулись. Ночка тёмная была. Короче, пейзаж. А пейзажи в приличных книжках принято или пропускать, или списывать у Тургенева, зная, что их всё равно пропустят. В тине что-то странно булькало — то ли водяной гонял лягушек, то ли резвились русалки, которым днепровские омуты с их чёрными дырами-телепортами принесли утопшего водолаза. «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца!» В лицо Шурасику подул ветер и коварно шепнул: «Май, ветер, любовь!»

— Я проинформирован, — буркнул Шурасик.

Вдоль тёмной, шевелящейся от ветра травы неторопливо текли куда-то Поручик Ржевский и Недолеченная Дама.

— Нет, нет, нет и нет! Отстань! — отбрыкивался Поручик.

— Ну не хочешь новый мундир — не надо! Носи хотя бы эполеты! — настаивала Дама.

— Нет!

— Ну, пупсик! Не упрямясь!

— Сказано тебе: отвянь!

— Хорошо. Не хочешь выглядеть достойно — будь всеобщим посмешищем. Тогда хотя бы не носи в спине эти пошлые ножи! Что за нелепый способ самоутверждаться? Ты уже взрослый мужчина! Образуемся, Вольдемар! Не заставляй меня краснеть!

Чаша терпения Поручика Ржевского, и без того крохотная, как водочная рюмка, окончательно переполнилась.

— А-а-а-а! Не называй меня Вольдемаром! Я тебя придушу! — завопил Ржевский и, кинувшись к жене, попытался вцепиться пальцами в её призрачное горло. Разумеется, это ровным счётом ни к чему не привело.

Недолеченная Дама отнеслась к выходке Поручика с полнейшим равнодушием. Она лишь покосилась на Шурасика и холодно сказала мужу:

— Стыдись, Вольдемар! Здесь посторонние! Оставь излишки своей внутренней культуры для узкого семейного круга!

Поручик обернулся, подплыл по воздуху к Шурасику и заговорщицки зашептал ему на ухо:

— Слышь, Шурасик, не в службу, а в дружбу! Век тебе ночью являться не буду!.. Дрыгни мою супругу, а?

— Чего?

— Ну как ты не понимаешь? Запусти в неё «Дрыгусом»! А то она третьи сутки меня пилит! Пользуется тем, что её даже придушить нельзя, летает и на мозги капает! Ещё немного — и я просто испарюсь! Тибидохс осиротеет без моего шарма!

— Да ну... Неохота мне сейчас магию применять. Ещё Поклёп засечёт в саду искры и выскочит разбираться, — отказался Шурасик.

— Шурасик, пожалуйста! Никогда тебя больше не попрошу! Прямо до зарезу нужно! — Ржевский перестал шептать и тревожно взглянул на жену.

— ...Туда, где никто не будет видеть позора, которым обременила меня жестокая судьба! Туда, где я смогу заточить себя в коконе одиночества и буду до конца вечности оплакивать выбор провидения, связавшего меня с ничтожеством! — закончила стенать Недолеченная Дама и вновь решительно направилась к супругу.

— Гад ты всё-таки, Шурасик! Эгоистина проклятая! Никакой мужской солидарности! — прохрипел Поручик.

Недолеченная Дама простёрла к нему свои призрачные руки:

— А теперь, Вольдемар, мы с тобой объяснимся окончательно и бесповоротно. Или ты немедленно берёшься за ум, или... Немедленно отплыви от этого пахнущего скунсами лопухоида! Что за привычка вмешивать в наши де...

— *Дрыгус-брыгус!* — крикнул Шурасик, выпуская красную искру из перстня.

Недолеченную Даму затянуло в магическую воронку. Ржевский ухитрился улепетнуть и, улюлюкая, скрылся в камышах. Из камышей донёсся визг русалок. Неугомонный Поручик принялся за прежние фокусы.

Шурасик направился к фонтану, расположенному в заброшенной части Тибидохского парка. Фонтан, некогда построенный магом, позднее отказавшимся от магических дарований и закончившим жизнь простым смертным, соответствовал строгим канонам Востока. Никакого изображения человека, никаких украшений и орнаментов, кроме растительных. Вода медленно, по капле в минуту, перетекала по семи причудливым бронзовым чашам-раковинам, пока не оказывалась внизу, в тихом бассейне с лилиями и кувшинками.

У забытого фонтана любили оплакивать свою щедрую на события судьбу призраки острова Буяна. Изредка из примыкавшей рощи, не отделённой от парка даже забором, сюда забредали корявые молчаливые лешаки и стояли, поскрипывая, глядя на воду. Пару лет назад здесь часто можно было встретить Великую Зуби, сидевшую на краю фонтана с книжкой в руках. Глаза её то скользили по страницам, то останавливались на неподвижной воде бассейна, в которой купалось отражение лилий. Позднее дубоватый Готфрид Бульонский поубавил внутреннюю тягу Зуби к элегическому романтизму.

Ученики здесь бывали редко. Лишь раза три сюда приходила Лиза Зализина, рыдала строго по полчаса и целеустремлённо отправлялась преследовать Ваньку Валякина для «решительного объяснения». Причём за каждым «решительным объяснением» с завидным постоянством следовали «самое решительное», «самое-самое решительное», «окончательное», «наиокончательнейшее», «последнее», «на этот раз действительно последнее» и так далее в духе дурной бесконечности.

Таня едва сдерживалась, чтобы не утопить Зализину в Тибидохском рву, отправив с ней приветственную телеграмму собачке Муму. Сдерживало её только стойкое подозрение, что Зализина превратится в русалку и тогда слёз, соплей и нервического хохота будет раз в сто пятьдесят больше. «Сплошная милюльщина!» — говорил иногда о русалках раздражённый Баб-Ягун.

И вот теперь записка завела сюда Шурасика. Он прокрался к фонтану с застенчивым и целеустремлённым видом, как кот к детской песочнице. Ещё издали он увидел тонкую фигуру в тёмном плаще с капюшоном, и сердце у него забилося в рваном ритме, то начиная колотиться как бешеное, то совсем останавливаясь.

«Кто бы это мог быть? Явно кто-то из своих. Чужих бы *Грааль Гардарика* не пропустила!» — задумался Шурасик, в смятении замирая в десятке шагов от девушки в плаще. В воздухе, поблёскивая серебристыми искрами надежд, северным сиянием заискрила романтика, но увы...

Всё началось как обычно и закончилось как всегда. Большая и светлая любовь отменилась по техническим причинам. Собака академика Павлова истекла слюной и скончалась, так и не получив от известного учёного заветного куска ветчины.

— О, а вот идёт наше вышеизложенное и нижеуказанное! И, разумеется, опаздывает минут на семь с хвостиком, — приветствовала Шурасика девушка и... откинула с головы капюшон.

— Гробыня! — радостно и одновременно разочарованно воскликнул Шурасик.

С одной стороны, встречаться с великолепной Гробыней мечтала добрая треть старшекурсников Тибдохса. С другой... с другой — Шурасик был слишком умён, чтобы заблуждаться. Едва ли у Гробыни существовали на его счёт серьёзные планы. Скорее всего, Склеповой просто-напросто было от него что-то нужно.

И как всякий неопытный, боящийся показаться смешным юноша, Шурасик прибег к низкоурожайному методу упреждающего хамства. Попробовать сделать больно первым, чтобы не сделали больно тебе.

— Ну и?.. Зачем ты меня сюда пригласила, Склепова? — строго спросил он.

— И это всё? Умиляюсь я таким свиданиям! Мало того что девушка первой проявляет инициативу, ей ещё и грубят! Конец света! Голову на грудь и то уронить некому! — возмущалась Гробыня, ничуть не сконфуженная такой наиветливостью.

Тибидохский ботаник вконец запутался и приуныл.

— Гробыня, чего тебе надо, а? Без дураков, а? — жалобно спросил он.

— Ничего мне не надо, а! Что мне может быть надо, а? — передразнила Склепова. — Вот ты скажи, а: почему меня вечно принимают за хамку, карьеристку и гадину? Это меня бесит! Разве я такая? Я в душе мягкая, как ангорский котёнок! Меня только погладь — я расту!.. Но-но, не по коленке!

— Я нечаянно, просто зацепил... — испуганно сказал Шурасик и быстро отодвинулся на безопасное расстояние.

— Да знаю, что нечаянно. Это-то и грустно, что нечаянно... — лениво произнесла Склепова. — Ладно, Шурочка, не бледней! Отбой воздушной тревоги! Я тебя не съем! Нынче мы с Пипой на диете. Отпиливаем от своего ужина по две калории в день! У меня к тебе есть разговор. Су-урьёзный, прям жуть!.. Ну что стоишь, как подставка для забора? Не маячь перед очами! Сядь на пенёк, пожуй творожок!

Шурасик осторожно опустился рядом и стал терпеливо ждать серьёзного разговора. Гробыня молчала и грызла ноготь. Шурасику становилось всё тревожнее.

— Ну и?.. — нетерпеливо спросил он через некоторое время, так ничего и не дождавшись.

— Чего «ну и»?!

— О чём ты хотела поговорить? Говори!

— А ты меня не понукай! Дай беспомощной девушке собраться с мыслями! — возмутилась Склепова.

Они помолчали ещё с минуту. Гробыня закончила грызть ноготь и стала щелчками сбивать с края фонтана прошлогодние листья.

— Ну и?.. — снова спросил Шурасик.

— Если ты ещё раз скажешь «ну и», я тебя убью! — ласково, но очень серьёзно предупредила Гробыня.

— Ну и как ты меня убьёшь?

— Задушу! Или сглажу. Или вначале сглажу, потом задушу, затем оживлю, а потом ещё раз сглажу... Примерно так, хотя возможны варианты... Отодвинься, Шурасик, я сейчас чихну! Ты чего, голову духами вымыл?

Шурасик виновато почесал щёку. Он был в смятении. «Туалетная вода дрянь!» — подумал он.

— Склепова, а Склепова! Зачем ты вообще устроила это свидание? Ты же знаешь, я зануда, — спросил он жалобно.

Гробыня зевнула:

— Да вы все, мужики, зануды, куда ни кинь... Думаешь, Гломов не зануда? Зациклился на спорте: бокс, жим, становая тяга. «А он меня... А я его!..» Прямо тошнит!.. Зато мириться с Гунечкой просто. Обидишь маленького, а потом бицепс ему пальцем потрогаешь, скажешь «о-го-го» — и он вмиг растает, как Снегурочка на отдыхе в Турции... А Жикин! Самый большой зануда. Ему пока семь раз не скажешь, что он классно выглядит, — не успокоится. А скажешь — Жорик мигом утешится, захихикает и, высоко подкидывая коленки, учешет на следующее свидание. Ты, Шурасик, ещё терпимый вариант. Можно хотя бы не прислушиваться к тому, что ты говоришь.

— Почему?

— Ну как почему? Ты треплешься всегда в режиме монолога и ответных реплик не требуешь.

— Спасибо. Буду знать, — сухо поблагодарил Шурасик. — А теперь или говори, что тебе надо, или я уйду.

Склепова зевнула и потрогала пальцем нижнюю бронзовую чашу фонтана, с которой как раз сорвалась тяжёлая капля. Отражение луны в плоском бассейне дрогнуло.

— Ну и чего ты такой кислый? Просто между нами? Я девочка рассеянная. Я и своих секретов не помню, что уж о твоих говорить, — сказала она мягким и мирным голосом.

Шурасик быстро взглянул на неё. Ему давно надо было выговориться. Со Склеповой же он почему-то не смущался. Они были разные, как рыба и птица. А рыба и птица относятся к секретам друг друга вполне благожелательно. Хотя бы потому, что их не запоминают.

— Поднимаюсь я вчера в хозкомнату... — начал Шурасик. — Нужен был самостиральный таз, чтобы самому с носками не возиться... Захожу, а из комнаты навстречу мне незнакомый человек. Лицо всё в буграх, на побитую дворнягу похож. Я отодвинулся, пропускаю его — и он, смотрю, отодвинулся. Я ни с места — и он ни с места. Я ж вижу... такой два часа стоять будет, но первый не пройдёт. Я ему ручкой — и он мне ручкой... Ах ты, думаю, кисляй! Шагаю к дверям — и он мне в ту же секунду навстречу... Веришь?

— Я знаю эту комнату. Там зеркало дурацкое... Ну отодвинул бы! — посоветовала Склепова.

Шурасик подался вперёд:

— Ты знаешь про зеркало? Но неужели я и правда... на собаку побитую? А, ну и чёрт с ним!..

Склепова покровительственно похлопала его по плечу:

— Да ладно тебе, Шурасик! Бывают моменты, когда сталкиваешься с собой как с посторонним, с незнакомым. Эти-то минуты самые честные и есть... Думаешь, я сама себе сильно нравлюсь? Да ничего подобного! Один глаз у меня больше другого, лицо асимметричное. Ты разве не замечал никогда? Волосы не блеск. Нижние зубы кривовато растут, наползают друг на дружку... Надо было пластинку носить, но мы же девочки гордые!

— Ты серьёзно? — почти с мистическим испугом спросил Шурасик.

— Думаешь, я стреляюсь из-за этой ерунды? Ничуть. Я ношу свою внешность так, что все считают меня красавицей. Так-то вот... А Грызианка Припятская, думаешь, красавица? Выставь её на конкурс красоты с обезьянами — выше третьего места ей сроду не дадут! И что же? У Грызианки есть шарм, а шарм больше красоты!.. Очнись, Шурасик!

Гробыня брызнула в Шурасика застоявшейся водой из фонтана. Он коснулся языком капель. Ощутил вкус тины и ряски. Гробыня продолжала:

— Или Гроттерша, между нами будет сказано. Что она, красавица? Ну волосы у неё хорошие, не спорю. Зубы ничего, но не блеск. Ноги тоже, положим, не отваливаются, хотя, на мой вкус, джинсы могли быть и попрямее. Вот и все её плюсы. Теперь минусы. Одевается как бомжиха. Нос — чистый интернационал. Ногти на пальцах грызёт. Но при всём при том Пуппера завалила как мамонта. Не хило, да? А всё почему? Потому что Таньке плевать, что о ней думают другие. Она абсолютно естественна. Вот и все дела...

Склепова вздохнула, посмотрела на сизые ночные тучи и деловито сказала:

— Ладно, Шурасик, ближе к телу. Дальнейшая философия только после опускания монетки в гадательный аппарат...

Шурасик рассеянно взглянул на неё. Он всё ещё осмыслял слова Гробыни, пытаясь препарировать услышанное с точки зрения логики. Он ощутил вдруг, что Склепова намного мудрее его в человеческих отношениях и глаз у неё куда зорче. «Моя стихия — книги. Мёртвые опосредованные знания. В бытовых вещах я разве что на ступеньку опережаю банального дауна», — с грустью подумал Шурасик.

— А? — переспросил он, заметив, что Склепова выжидательно уставилась на него.

— ...И Б сидели на трубе! Говорю, всё, что я несла, — это так, речевые упражнения. Типа сам себе логопед. А теперь слухай сюды, тётъ Шура, и не урони слуховой аппарат! Сегодня я узнала кое-что странное, вконец запуталась и решила получить халявную консультацию умняшки.

— Мою? — уточнил Шурасик.

— Ясный перец! Других умняшек в нашей кондовой психушке не наблюдается... Сегодня днём у меня сорвалось свидание, и я заскочила в читалку полистать «Сплетни и бредни». Обожаю истории чужого успеха. Была дура дурой, сопли на кулак мотала, глазки в кучку, языком пол подметала, а потом хлоп! — и в дамках!.. Может, думаю, и мне за Шейха Спирию замуж выскочить? Личный ковёр-самолёт, нефть и чемоданы бриллиантов. Вот только тошнот Спирия страшный, и зубы у него как у лошади... В общем, листала я журнальчики, мне надоело, и я решила побродить между стеллажами. Зашла вначале в свободный доступ, а потом отправилась к запретным полкам...

— Неужели Абдулла разрешил? — ревниво спросил Шурасик. Он был убеждён, что право бродить где вздумается кроме преподавателей имеет только он один.

— Разрешил? — подняла брови Гробыня. — Прогнись и пойдёшь, лапа! По пятницам у Абдуллы литературная тусовка. Он дюжинами вызывает умерших поэтов, чтобы было кому завывать рифмованные проклятия. Поэты отплёвываются, но на тусняк заявляются с заведомым постоянством.

— Думаешь, я не знаю про тусовки? Однажды я даже зачитывал там свою курсовую. Им всем ужасно понравилось. Абдулла сказал, что даже понял некоторые слова, — с гордостью проговорил Шурасик.

— Хм... В общем, я забрела в закрытый доступ и стала искать книжечки про вирусную любовную магию. Вот бы, думаю, весь мир в меня влюбился! А тут — фук! — слышу голос. Угадай чей? Поклёпа! Ты сам знаешь, Шурасик, я девушка скромная, мне Гроттерша с Пипой и так все нервы испортили, и лишних истерик на голову не надо. Я нырнула за стеллаж и затаилась. Вначале только Поклёп говорил, потом кто-то стал ему отвечать. Я слышу, что это Безглазый Ужас! Остановились — рукой до меня дотянуться. Я затаилась, почти не дышу, только шепчу про себя заклинание временной невидимости, чтоб не засекали...

— И о чём они говорили? — нетерпеливо спросил Шурасик.

Гробыня извлекла зудильник и стала быстро водить пальцем по поцарапанному дну, вычерчивая руны.

— А, вот... Я же хитрая девочка!.. Я всё записала! Как говорят лопухойды, самый дешёвый подслушивающий аппарат лучше самой хорошей памяти!..

На дне миски в сетке царапин появились стеллажи с книгами. Долгое время Шурасик кроме книг ничего не различал, и, поняв это, Склепова ткнула длинным ногтем в угол экрана:

— А ты чего ждал? Широкоформатного кино? Я зудильник смогла только боком просунуть.

Шурасик увидел Поклёпа и Безглазого Ужаса. Ужас парил в полуметре от пола в заляпанной кровью рубаше, мертвенно-неподвижный и отрешённый. Лишь пустые глазницы пылали сосредоточенной яростью.

— Иногда я бываю крайне умной. Со звёздами гениальности, сияющими на небосклоне яркой судьбы. Всё, слушай, дорогой! — уточнила Склепова и усилила звук.

— ...Недавно, что приплыли водяные. Крышку нашли на океанском дне далеко от острова, — услышал Шурасик голос Поклёпа.

— Это ещё только первый знак, — отвечал Ужас.

— Вероятно, стражам и Мефодию Буслаеву на это и наплевать, но только не нам... Наш магический мир зависим от такого рода событий!.. Пока я не говорил об этом даже Сарданапалу, но скрывать дольше невозможно, — продолжал Поклёп.

— Но это лишь крышка...

— Крышка? Ничего себе крышка! Мраморная плита весом пять тонн! Её отбросило в океан и расколело на три или четыре части! Все защитные руны повреждены или уничтожены! Наша магия больше не контролирует ЕГО! — взвизгнул Поклёп.

Безглазый Ужас ухмыльнулся:

— Ваша магия и раньше не слишком с ним справлялась. Что для НЕГО ваша дюжина рун? Всё равно что опутать спящего слона ниткой и говорить, что он связан. Когда же нитка лопнет, кричать: «Караул! Волшебство бессильно!» Возможно, слон просто случайно шевельнулся во сне.

— Он шевельнулся, но он может и проснуться! Надеюсь, ты не забыл, что случилось с магической школой в Скаредо? — напомнил Поклёп.

Глазницы Ужаса полыхнули холодным огнём:

— Можешь не рассказывать мне про Скаредо, маг. Я прожил в этой школе не меньше века, и все её худшие часы и дни проходили на моих глазах... Когда школа в Скаредо опустела и там не осталось никого, кроме нас, призраков, и горстки трепещущей от ужаса нежити, мне пришлось перебираться в Тибидохс. Я не бежал с корабля, я не крыса. Просто корабля не стало. Признаться, после Скаредо, с его ренессансным великолепием, Тибидохс первое время казался мне совсем убогим и провинциальным.

— Тогда не тебе объяснять, что может произойти. Тибидохс — вторая по удалённости магическая школа

от ТОГО места. Первой была школа в Скаредо... — сказал Поклёп.

Безглазый Ужас пожал плечами, погружаясь в бездны апатии. До полнолуния, когда он был склонен звенеть цепями и растекаться мыслями по кирпичной стене, оставалось ещё добрых две недели.

— Что ж, всё может быть... В любом случае разбитая крышка — это лишь первый знак. Вскоре должен быть ещё один... И вот тогда сомнений, что ОН пробудился, действительно не останется. Пока бы я советовал разогнать всех учеников по домам и разъехаться самим, — философски заметил он.

Завуч всполошился:

— Разогнать учеников? Ни в коем случае! Если на Лысой Горе что-то пронюхают, нашу школу просто закроют. И никогда потом уже не откроют. Я этих перестраховщиков знаю. Им только дай что-то закрыть или запретить.

— Что да, то да. Да только Лысая Гора — это ещё полбеда. Вторые полбеда — Магщество, которое имеет на нас зубик размером с великовозрастного циклопа, — согласился призрак.

— Именно поэтому я и хочу, чтобы ты... — Поклёп оглянулся, наклонился к призрачному уху Ужаса и что-то быстро зашептал. — Только чтоб ни одна живая душа... — предупредил завуч.

Безглазый Ужас усмехнулся:

— Ты циник, Поклёп! Кто же говорит о живой душе в присутствии призрака?.. И вообще, то, о чём ты прошишь, рискованно.

— Не для тебя. Второй раз умереть нельзя!

— Смотри что считать смертью. Если потерю тела, то мне терять нечего. Однако если меня втянет внутрь, то Тартар распылит мою сущность, — возразил Ужас.

— В прошлый раз же тебя не втянуло?

— Мне хватило ума не заглядывать туда, хотя я и ощущал сильное притяжение. Это как воронка или речной омут. Чаще он втягивает во сне... Во всяком случае, тех, в Скаредо, он втянул ночью, под утро... Хорошо, Поклёп, я сделаю это, и будь что будет! — Безглазый Ужас вскинул руки и без всякого усилия как штопор ввинтился в пол.

Склепова смахнула с зудильника остатки изображения и небрежно спрятала его в свой увешанный фенечками рюкзак.

— Кина больше не будет! Подбирайте ваш мусор — и марш из зала! — заявила она.

— Как, это конец? А что, больше на твоём зудильнике ничего не записано? — с сожалением спросил Шурасик.

— Там много чего записано, но ты ещё маленький, чтобы это смотреть, — с вызовом сказала Склепова.

Шурасик тревожно покосился на Гробыню.

— Ты всё слышал? А теперь скажи мне, что там такого произошло в школе в Скаредо, что наш миленький Клёпа забыл про Милюлю и трясётся как осиновый лист? Просвети меня, тёмную, пока моё любопытство не слопало меня без гарнира, — продолжала Склепова.

Шурасик наморщил лоб, сгребая в кучку все скопившиеся в голове сведения по данному вопросу:

— Эмюэээ... Скаредо была одной из крупнейших магических школ Средневековья. В сущности, она имела статус академии. Среди её выпускников было множество талантливых магов, одарённых философов, художников и известных авантюристов. А потом школа в Скаредо вдруг перестала существовать. Меня это, признаться, поразило, но я решил, что школу закрыли. Ну там за преподавание некромагии, чёрную алхимию или магию вуду...

— Или она просто исчезла! Ты слышал, что сказал Безглазый Ужас?

— Я бы не слишком доверял его словам. На его месте я бы бережнее относился к своим мозгам. Удары головой о стену плохо влияют на общую логику суждений... Хотя, конечно, он призрак и многое может себе позволить, — резонно заметил Шурасик.

— А Поклёп? Он тоже, по-твоему, псих?

— Вот уж не знаю. Псих не псих, а назвать Поклёпа нормальным языком не поворачивается. Но маг он неплохой. Что да, то да. Особенно хорош его леденящий взгляд. Пока я так и не придумал, как его блокировать, хотя...

— Короче! Ты попытаешься что-нибудь узнать о школе в Скаредо? — перебила его Гробыня.

— Само собой. Мне не хотелось бы, чтобы с нашим старым Тибидохсом что-нибудь случилось. Особенно когда я ещё не получил на руки диплом о высшем магическом образовании... — заявил Шурасик.

Гробыня протянула руку и ободряюще провела по щеке Шурасика длинным ногтем:

— Ты у меня просто умничка! Когда что-нибудь узнаешь, немедленно принеси мне это на крылышках любви. Пока, Шурасик! Не скучай! И вот ещё, вдогон нашему разговору, советик один... Желаеть?

— Ага... давай... — подумав, сказал Шурасик.

— Ты, Шурасик, по жизни хмурая интеллектуальная особь, эдакая бука, и с этим ничего уже не поделаешь. Не пытайся прикинуться, что ты не бука, не пытайся замаскироваться! Тебе же хуже будет. Напротив, усиливай свои недостатки! Закажи себе безобразные очки в тяжёлой оправе! Говори ещё непонятнее, смотри на людей диким взором, уходи посреди разговора, роняй чашки, выливай на клавиатуру чай и роняй яич-

ницу, если будешь жить среди лопухоидов. Это и будет твоим шармом. Лады?

— Лады, — кивнул Шурасик. Слова Склеповой больно резанули его.

Вскоре парк опустел. Лишь бледная, точно подвергнувшаяся атаке вампира луна малокровно купалась в мраморном фонтане. Гоярын волновался в ангаре, временами издавая угрожающий рёв. Он взмахивал хвостом, хлестал им по гудящему железу ангара и снова ревел.

Порой рёв его менял окраску, наполняясь непонятной, жуткой тоской, древней, как мир и неумолимой, как угасание. Что-то тревожило дракона. Тревожило уже давно.

Глава 2

НОВОЕ КАК НИКОМУ НЕ НУЖНОЕ СТАРОЕ

Ночь, которую Шурасик провёл у фонтана, Таня просидела за письменным столом. Перед ней лежала открытая тетрадь. По тетради, изредка брезгливо окуная кончик в чернильницу, скользило хвостовое перо птицы Феникс, которую некогда ощипал сам Гэ Пэ. Перо не нужно было держать в руке, чтобы оно писало, — достаточно изредка переводить взгляд на чернильницу. Таня, не удержавшись, изменила своим правилам и приняла подарок, подумав, что теперь у неё будет три хороших пера: одно Финиста — Ясного сокола, другое Ванькиного жар-птица и третье Гурочкиного Феникса.

Повинуясь взгляду, перо размашисто писало:

Мне случается посреди ночи проснуться с одной совершенно определённой мыслью. Мысль эта просветляет и озаряет меня. Будущее представляется понятным, определённым. Кажется, ухватишься за эту мысль — и воспаритишь, оторвёшься от житейской грязи, взлетишь — и так ясно становится тогда, так радостно!.. Что это — ангел-хранитель? Существует ли он у магов? Но наступает утро — и куда всё подевалось?..

Открытие сегодняшнего дня. Оказывается, как есть люди без башни, так есть люди пря-

мо-таки с танковой башней. Конечно, я и раньше это подозревала, но вообще-то всё довольно неожиданно. Танковая башня — у моего (хотя он, конечно, свой собственный!!!) Ваньки Валялкина. Этот осёл... — Таня виновато моргнула, и перо, спохватившись, ловко исправило «с» на «ч», а «л» на «н», — очень упрямый человек не желает идти в магспирантуру после окончания Тибидохса, хотя и имеет все шансы туда попасть. Этот доктор Айболит собирается заняться ветеринарной магией и лечить зверей, причём прямо сейчас, немедленно, без всякой магспирантуры. Он говорит, что у Тарараха вообще нет никакого образования, кроме академии жизни, как сам Тарарах её называет.

«Замечательно, — говорю я Ваньке, — но вообще-то Тарарах не учился не потому, что не хотел, а потому, что в каменном веке с вузами вообще был напряг... Поступать же в высшее магическое заведение в пятьдесят тысяч лет не стал бы даже Ломоносов! Лечить зверей можно и после магспирантуры, только на другом уровне!» Но Ванька всё равно упирается. Зачем, мол, ему мёртвые теоретические знания, когда страдают кикиморы и оборотни в брянских лесах, а в сибирской тайге недавно был ранен разрывной пулей предпоследний в лопухоидном мире магический вепрь и Тарарах с Зуби вылетали в ночь его лечить! Он, конечно, прав, тысячу раз прав, но всё равно, если я получу образование, а он нет, то будет ли нам вообще о чём говорить в дальнейшем? Не случится ли так, что я вынуждена буду подстраиваться под Валялкина, выискивая несложные темы для

беседы, которые он ещё сумеет поддерживать? В общем, всё плохо как-то...

Я всё чаще вспоминаю Гробыню, которая говорит: «Расслабься и не решай за других! Если кто-то нас достоин, он сам разберётся, что и как. А если нет — то тапки в зубы и шагом марш». Ах, Ванька, Ванька, как же ты не понимаешь, что я тебя люблю! Только не будь таким упрямым!

У меня есть ощущение, что человека, который начинает мыслить, кто-то ведёт. Случайно подслушанный разговор, книга, упавшая с полки и открывшаяся на нужном месте, попавшийся на глаза рисунок... Нами словно руководит кто-то бесконечно мудрый. Может быть, мне помогает мой отец Леопольд Гроттер, которого я видела лишь однажды, на матче? Уж точно не дед, который порой принимается скрипеть в перстне...

Таня отвернулась, и перо, потеряв контакт с её взглядом, упало на бумагу, оставив маленькую кляксу. Таня вспомнила последнее письмо Пуппера — то самое, к которому прилагалось перо. Письмо было довольно неприятное.

My dear Таня! — писал в тот раз Гурий. — Я считай свой долг информировать тебя, что ты бил важный страниц в моей жизни и остаться навсегда большой памятник в мой соул.

Теперь я встречаюсь с английской фотомоделью русского происхождения Джейн Петушкофф. Она есть очень красивый и умный девушка с некоторый счёт в банке и находится сердце

в сердце с моими тётти. Мы с Джейн встречаться три раз в неделю — понедельник, среда и фрайдей с двадцать вечера до двадцать один ноль-ноль, когда совпадать наш график. Мы иметь приятный разговор за чаша чай и один раз даже ходить вместе в кино. Я не понял, про что оно бил, потому что устал после тренировка и уснул на плече у Джейн, но Джейн говорить, что кино бил про меня и меня там играл лопухоид в круглый очки, которых нет в мой коллекций.

В прошлый фрайдей Джейн кричал и обижался на меня, потому что я всё время говорить ей про тебя, ту dear Таня. Я говорить ей, что больше не обожать и не скучать по тебе, и ты есть только один страниц моей юность, но говорить это два часа подряд, и Джейн очень раздражалься, что она терять время своей личный жизнь. Она звонить по зудильник мой тёття Настурций и брать у неё консультацияй. Это всё биль большой истерия! Вечером тёття Настурций, самый добрый тёття, и их магвокат встречаться со мной, проводить серьёзный разговор, и окончательно убедил меня, что надо любить Джейн Петушкофф, который есть для меня прекрасный партий во всей смысл.

Прощай, Таня! Я посылать тебе перо птицы Феникс, чтобы ты изредка вспоминать обо мне. Директор моей школ Даун Фон Лабрадор (у него такой фамилий, потому что он немец) упал в обморок, когда увидел, что я оципал его любимый Феникс.

Когда-то твой,
Гурий Пуппер

Таня перечитала письмо трижды. Она испытывала противоречивые чувства. С одной стороны, ей радостно было за Пуппера, что он наконец нашёл себе кого-то, а с другой — ужасно хотелось сглазить эту идиотку Джейн Петушкофф.

«Лимита английская! Вылезла фиг знает откуда, всех локтями растолкала, а теперь по зудильнику тёткам жалуется: мол, Гурий с ней обо мне разговаривает. Вот гадина! О чём с ней, с такой, вообще разговаривать можно?» — раздражённо думала Таня, и тотчас ей становилось неловко, что она лезет в чужую жизнь и осмеливается плохо думать о людях, о которых ничего не знает.

«Нет, конечно, Пуппер мне не нужен, — но почему этот дурак Ванька не хочет в магспирантуру? Он что, не понимает, что тогда он будет вынужден покинуть Тибидохс и мы с ним не увидимся целых три года!» — злилась она.

Конечно, знай Таня, что Пуппер уже после того прощального письма прислал ей букет роз и записку, возможно, ей стало бы легче. Однако Жикин, понятное дело, не собирался являться с повинной.

— Гроттерша, а Гроттерша! Чего ты там строчишь? Опять интриги плетёшь? — сонно спросила с кровати Пипа.

За последний год дочь Дурневых порядочно вытянулась, приобрела кое-какие магические знания, но по-прежнему влезала в брюки, только прибегнув к пятому измерению.

— Завидно? — спросила Таня.

Пипа зевнула, продемонстрировав пасть таких размеров, в которой легко затерялся бы случайно влетевший воробей.

— Не-а, не сильно завидно. Я завтра с Семь-Пень-Дыром встречаюсь. Хотим на Лысую Гору смотаться.

Там, говорят, в одном месте отличных фаршированных змей подают.

— Чего это Пень так расщедрился? Нашёл горшок с зелёными мозолями? Ты же вроде с Жикиным встречалась? — удивилась Таня.

— С Жикиным-то? Очень мне нужен твой Жикин... Я у него как поезд, сто двадцатый дополнительный. Сиди у моря и жди погоды. Лучше уж с Дыром... Он хотя бы не бабник.

Таня пожала плечами:

— Зато Семь-Пень-Дыр жмот. У Гробыни спроси. Он тебе кофе купит, а потом будет три года пилить и проценты высчитывать.

Пипа хмыкнула:

— Шут с ним, с Дыром, если на то пошло. Скучный он... Вообрази, кто мне вчера сказал, что я хорошо выгляжу? Бульонов!

— Генка?!

— Ага! Мялся полчаса, а потом как выпалил, отскочил и смылся куда-то... Вообще-то он ничего, только уж больно застенчивый. Хотя и папуля мой, говорят, застенчивый был... И вообще, Гроттерша, я сейчас буду спать и видеть сладкие сны, а ты слушай зудильник! Если моя мамуля позвонит — свистни. Она любит иногда по ночам звонить. Не соображает, что тут время другое.

— Тётя Нинель? Я с ней не разговариваю!

— Ещё б тебя кто-то просил с ней разговаривать! Моя мамуля — жена председателя В.А.М.П.И.Р., а ты кто такая? Говорят тебе: меня позови! А разговаривать с мамулей буду я! Мне тут кое-какие вещички понадобились! — сказала Пипа и уткнулась головой в подушку.

— О нет! Ещё?! — пробормотала Таня, покосившись на бастион чемоданов вокруг кровати Пипы.

Тёте Нинели придётся нанимать дюжину грузовых купидончиков, которые прилетят в Тибидохс не в духе, едва живые от усталости, и примутся разгневанно пищать, швыряя в окно чемоданы.

Под утро, когда Таня закончила писать, вернулась Гробыня. Склепова так устала, что даже не стала язвить, а только буркнула: «Все кыш! Если кто меня спросит: я умерла!» — и, не раздеваясь, бросилась на кровать.

Решив последовать хорошему примеру, Таня тоже легла и сразу уснула. Ей приснилась самая добрая тётя, которая, нацепив на упиравшегося Гурочку Пуппера ошейник с поводком, бесцеремонно волокла его к Джейн Петушкофф. Джейн, в Танином сне слившаяся со сказочной людоедкой, сидела за столом с красной скатертью и, плотоядно облизываясь, ожидала, пока к ней подведут несчастного Гурия. В руках у мадемуазель Петушкофф были нож и вилка. Таня кинулась было к Гурию на помощь, но неведомая сила отбросила её в сторону. Она лежала на земле и беспомощно смотрела, как Джейн, ловко орудуя ножом, уплетает Пуппера без масла и без хлеба.

Таня вскочила и, чтобы не видеть этого ужаса, кинулась в лес. Деревья хаотично бежали ей навстречу. Внезапно впереди, на тропинке, она заметила Ваньку, который удалялся быстрым шагом. «Ванька! погоди! Не бросай меня!» — закричала Таня. Она мчалась следом, спотыкалась, но никак не могла догнать его. Напротив, как это бывает в снах, её относило куда-то назад. «Пожалуйста, не уходи!» — крикнула Таня снова, поняв, что он сейчас исчезнет. Валякин обернулся. «Три года! Сказано тебе: три года!» — произнёс он сурово и, шагнув в сторону с тропинки, исчез. Земля втянула его как тряпина. Таня закричала.

— Эй! Что с тобой такое? Просыпайся давай! — кто-то потряс Таню за плечо.

Она открыла глаза и увидела блестящую хромированную трубу пылесоса, на которой плясало солнце. Окно было распахнуто. Над ней склонился Баб-Ягун.

Таня рывком села на кровати. Сон и реальность никак не хотели поделить её сознание. Лоб и ладони были мокрые от пота. Пипы и Гробыни в комнате уже не было.

— Чего ты кричала, мамочка моя бабуся? Кошмары? — спросил Ягун.

— Захотелось, — огрызнулась Таня.

Умный Ягун правильно понял её состояние и не стал больше приставать. За это она его и ценила.

— Ясно... — сказал он. — Ты на тренировку-то идёшь? Соловей велел сегодня пораньше явиться. У него что-то важное... А в полдень Медузия с Зуби новичков привезут. Ну, первокурсников будущих. Интересно будет взглянуть. Так что давай!..

— А завтрак?

— Завтрак ты уже проспала. Но догадливый Ягун прихватил пару бутербродов, так что с голоду ты временно не умрёшь. Пошли!

Таня провела рукой по лицу. Ей почудилось, что она стирает липкую паутину скверного сна. Выдвинула из-под кровати футляр с контрабасом и щёлкнула замком. Смычок послушно прыгнул к ней в ладонь.

— Пойдём разведемся! От скверных мыслей нет ничего лучше драконбола, — сказала она.

* * *

Соловей О. Разбойник сидел на раскладном стуле посреди поля и, вытянув большую ногу, наблюдал, как джинны-драконюхи прогуливают сыновей Гоярына.

Ртутный и Искристый росли быстро, как на дрожжах. Ртутный вымахал почти со своего папочку, хотя пока ему не хватало его мощи. Это был костистый, неуклюжий, ещё не оформившийся и не вошедший в силу дракон-подросток с длинной шеей и огромными кожистыми крыльями. Он хлопал ими, разбежался и раз за разом упорно пытался взлететь, поднимая с поля тучи песка, однако джинны держали крепко. Они натягивали цепи в разные стороны, осаживая дракона. Куда больше Ртутного они боялись Искристого, чьё молодое пламя обладало кинжальной точностью и невероятным жаром. Именно по этой причине на пасти у Искристого был пламягасительный намордник.

— Дайте полетать! Малыши засиделись! — крикнул Соловей джиннам.

Переглянувшись, драконоухи натянули цепи. Один джинн ловко запрыгнул к Искристому на шею и отстегнул ошейник. С той же ловкостью он перескочил на шею к Ртутному, и оба ошейника упали. Джинны, спасаясь, бросили цепи и метнулись в разные стороны. Ртутный несколько раз впустую щёлкнул зубами, пытаясь поймать их, а более сообразительный Искристый не стал терять время и взлетел.

Ртутный, поняв, что его ничто не держит, помчался за братом. Соловей О. Разбойник с интересом наблюдал за драконами, оценивая силу и скорость, с которой они кувыркались в воздухе, обмениваясь ударами сильных крыльев.

— Недурно. Лет через двадцать можно будет выставлять на матчи. А ещё лет через пятьдесят войдут в полную силу, — негромко сказал тренер, ни к кому не обращаясь.

Ртутный, так и не догнав стремительного брата, заревел низко и грозно. Гоярын немедленно откликнулся

из ангара, мгновенно окутавшегося тёмным дымом. Джинны-драконоухи беспокойно заметались и засвистели, успокаивая Ртутного, чтобы он не искушал больше Гоярына. К счастью, Ртутный уже вновь погнался за Искристым.

Соловей покачал головой. Он давно заметил, что с Гоярыном происходит что-то странное. Дракон постоянно пребывал в ярости, хлестал хвостом по ангару, пытаясь сокрушить его, и отказывался узнавать даже самого тренера.

Не желая рисковать командой, которая могла пострадать от Гоярына, Соловей на тренировках заменил его Искристым. Кроме того, он уже дважды обращался за советом к Тарараху.

— Даже не знаю, что на него нашло! Просто в голову ничего не лезет, — озабоченно покачал головой Тарарах. — На глаз не похоже, на магическое бешенство тоже... Они порой после спячки не с той лапы встают, да только вроде как Гоярын в этом году нормально из спячки вышел. Белки глаз хорошие, чешуя вроде тоже в норме... Внешне ничего необычного. Может, чувствует чего, а? Драконы ж, они многое наперёд чувствуют, да только сказать не могут.

Через полчаса, когда молодые драконы немного устали и их полёт стал менее стремительным и хаотичным, на поле стали постепенно собираться игроки взрослой команды. Так теперь называли старую команду Тибидохса, чтобы отличать её от юношеской. Юношеская команда была составлена из самых перспективных, с точки зрения Соловья, учеников младших курсов Тибидохса, которые со временем должны были сменить пятикурсников.

Первым, поигрывая летающей шваброй, как денди тросточкой, на поле появился блистательнейший Жора

Жи́кин, окружённый дюжиной поклонниц, в основном со второго и третьего курсов. Девушки постарше обычно разочаровывались в нём, переболев им, как ветрянкой или краснухой. Малолетки же толкались и шипели друг на друга, однако делали это тихо, чтобы не раздражать Жору.

Едва смуглый красавец Жи́кин поворачивался к ним, вся его свита разом улыбалась. Жора переводил взгляд на ясное небо и утверждал, что собирается дождь. Сообразительные девушки кидались спасать кумира с неумело наколдованными зонтиками. Кроме того, они считали, что Жи́кин лучший игрок команды Тибидохса. Собираясь вечером в чьей-нибудь комнате, они часами разглядывали его оживающие фотографии, когда-то делавшиеся для рекламного проспекта, который Лы́сая Гора грозилась проплатить, но так и не проплатила. На них Жи́кин красовался на швабре, а его правая рука с пламягасительным мячом была героически занесена над головой. В каком-то метре от Жоры распахнул жуткую пасть дракон бабаев.

«Ну правда, он просто милашка? Не какой-нибудь там Пуппер или Ягун! Рядом с нашим Жорочкой они просто уроды!» — утверждала девушка лет двенадцати.

«А почему тогда вся слава достаётся им и Гроттерше?» — спрашивала другая, более трезвомыслящая поклонница.

«Потому что наш Жорочка скромный. Он, конечно, забрасывает не слишком много мячей, но это потому, что предпочитает благородно отдать пас и уступить свою славу другому. Но вообще-то своим присутствием на поле он создаёт атмосферу. Понимаете — атмосферу!.. Треть зрительниц приходит исключительно ради нашего Жорочки, хотя никогда в этом не сознается!»

Обнаружив, что из взрослой команды он случайно пришёл первым, Жи́кин стушевался и попытался не

попасться на глаза Соловью, но с такой толпой сопровождения это было сложно.

— О, Жорик! Почти вовремя! Наше вам с хвостиком! Ну-ка подойди! — приветствовал его Соловей.

Жикин трусливо приблизился. Девицы тащились за ним.

— Ну, что скажешь? Я вижу в твоих глазах рвение тренироваться до потери пульса, верно? — лукаво продолжал Соловей.

Жорик слотнул и незаметно попытался спрятаться за швабру. К сожалению, это оказалось технически невозможным. Пышущий здоровьем Жикин мало походил на дистрофика. Сообразив это, он вздохнул и оставил швабру в покое.

— Э-э... Ну да. Я готов, — сказал он, тревожно косясь на Искристого и Ртутного.

— Чудесно! — продолжал Соловей. — Я не сомневался в твоей решимости! Будь любезен, сделай двадцать мгновенных перевертонов! После перевертонов сразу переходи на виражи...

Жикин побледнел. Перевертоны и виражи были именно теми манёврами, которые он ненавидел больше всего на свете.

— Жорочка будет делать перевертоны! Вот это да! Можно мы посмотрим? — воодушевились девицы.

Жикин резко повернулся и посмотрел на них с раздражением, мягко переходящим в озверение.

— Нельзя! Сказано вам — нельзя! Подождите меня в парке! — отчётливо сказал он.

— Ну почему? Мы так хотим! Умоляем, ради нас! — нетерпеливо заверещали девицы, бросаясь к Соловью. Они были уверены, что это он, Соловей, не позволяет им любоваться лётными подвигами их кумира.

Тренер прищурился и намеренно выдержал паузу, ощущая, как Жикин обливается потом.

— Вообще-то не положено, но... хм... шут с вами, только сидите тихо! И не забывайте считать перевертоны!

— Ах, спасибо, спасибо, добренький дядя Соловейчик! Вы нас и не заметите! Вы такая лапочка! Можно вас поцеловать? — воодушевились девицы и гроздьями повисли у Соловья на шее.

— Э! Позвольте вас перебить!.. Я не согласен! — вежливо сказал Жикин.

Девицы продолжали шуметь и целовать Соловья.

— Позвольте вас перебить! — повторил Жикин на тон выше.

Теперь в его голосе определённо слышалось, что с куда большим удовольствием он перебил бы назойливых тараторок из крупнокалиберного пулемёта.

Девицы, не слушая, кинулись на трибуны, чтобы оттуда как с насеста любоваться Жорой. Расстроенный Жикин обречённо полез на швабру, собираясь разбиться вдребезги, однако был спасён от позора появлением Кати Лотковой и Демьяна Горьянова. Заметив, что внимание Соловья переключилось на них, Жикин торопливо взлетел и стал выписывать на швабре безобидные восьмёрки, не имеющие ничего общего с мгновенным перевертоном, но зато вполне безопасные для формы его носа. Поклонницы, мало понимающие в магическом пилотаже, были довольны и этим.

— Ах, какие перевертоны! Гроттерша так не умеет! Нам сам Жорочка сказал! — восклицали они.

Катя Лоткова несла за ручку пылесос «Грязюкс», на ободе которого покачивалось множество амулетов и талисманов. За Лотковой угрюмо шествовал Демьян Горьянов. Вид у него был такой кислый, что трава, на которую он ступал, желтела, а песок покрывался плесенью.

— Лоткова, а Лоткова! Дай я твой пылесос понесу! — бубнил Горьянов.

— Ты его сглазишь! Свой неси! — упрямылась Катя.

— Не сглажу! Дай!

— Слушай, Демьян, остынь! Ты и не захочешь сглазить, а сглазишь! И вообще, ты улыбаться когда-нибудь пробовал?

Горьянов вздохнул:

— А то! Пробовал. Пятнадцатого числа прошлого месяца.

— Серьёзно? Что это на тебя нашло?

— Сам не знаю. Что-то шло-шло и меня нашло. Вышел я в парк, посмотрел на небо и подумал: какое фиговое небо! И солнце тупое, мутное! Потом я посмотрел на траву и подумал: какая идиотская трава!.. И тут меня осенило: наверняка в этот дурацкий день кто-нибудь где-нибудь помрёт! И тут мне стало смешно, хорошо, и я улыбнулся. Даже не просто улыбнулся. Я ржал как безумный целых полчаса!

Катя остановилась:

— Постой, постой! Это когда вода в пруду завоняла, пошёл чёрный дождь и чайки на побережье сдохли?

Горьянов обиженно заморгал:

— Если ты всё знаешь, Лоткова, зачем спрашиваешь? Так дашь свой пылесос нести или нет?

— Ты угадал: «или нет», — сказала Катя.

Почти сразу за Лотковой и Демьяном прибыл Семь-Пень-Дыр. Он был рассеян и пребывал в размышлениях по поводу финансовых комбинаций.

«Как бы мне ухитриться получать долг с процентами раньше, чем я даю деньги? То есть, скажем, вы хотите занять у меня четыре зелёные мозоли. Отлично! Вы отдаёте мне сегодня четыре плюс две мозоли сверху. Итого шесть. А уже завтра... ну в крайнем случае послезавтра я даю вам те четыре, которые вы хотели занять... Или, скажем, другая схема, более рабочая... Из четырёх мозолей,

которые вы просите в долг, я сразу вычитаю две мозоли своих процентов. Итого: две даю на руки и ещё четыре — долг», — плотоядно размышлял Семь-Пень-Дыр.

— Эй, банковский деятель, кончай мечтать! Мечталка поломается от перегрузки! — крикнул ему кто-то.

Семь-Пень-Дыр сердито обернулся. В десятке метров за ним шёл Баб-Ягун, тащивший кроме своего пылесоса ещё и контрабас Тани.

— А ты не подзеркаливай, папочка своей бабуси! О чём хочу, о том и мечтаю! — огрызнулся Семь-Пень-Дыр.

— Ну мечтай! Мечты вообще самое светлое, что есть у человека, а ты их опошляешь, — сказал Ягун.

Таня приотстала, заинтересовавшись поведением Искристого, который выдыхал пламя короткими струями, похожими на огненные плевки. Такая система обстрела гораздо эффективнее, чем быстро угасающий огненный вал, на который дракон в несколько секунд тратил всё дыхание и вынужден был широко распахивать пасть для очередного вдоха. В режиме огненных плевков обстрел — хотя менее интенсивный — вёлся постоянно, пасть же дракона оставалась закрытой и недосягаемой для мяча. Искристый определённо делал успехи и вообще как боевой дракон был гораздо опаснее своего сильного, но глуповатого братца Ртутного.

— Ишь, как странно раскладывается колода! К Искристому отошёл весь ум Гоярына, а к Ртутному его мощь! Нет чтобы к одному и всё вместе! Такой бы славный дракон получился, хоть против сборной Вечности его выставляй! — вслух подумал Соловей О. Разбойник, который, как и Таня, внимательно наблюдал за молодыми драконами.

Рита Шито-Крыто и здесь оказалась в своём репертуаре. Поленившись идти пешком, она материализовалась

в воздухе перед носом у оцепеневшего от такой наглости Ртутного. Пока глуповатый дракон соображал, проглотить ли ему Риту целиком или частично, Шито-Крыто ловко спикировала на своей гитаре с прицепом и прыгнула на песок рядом с Соловьём О. Разбойником.

— Моё почтение тренерскому составу! — поздоровалась она.

Соловей неодобрительно зыркнул на неё своим единственным глазом.

— Ритка, попомни мои слова! Привычка к телепортации никого ещё не доводила до добра! Когда-нибудь, телепортировав, ты обнаружишь, что вокруг тебя сплошная скала или океанские глубины...

— Что я, не знаю, где океан? — возразила Ритка.

— Хорошо, пусть не океан. Достаточно случайно материализоваться в том месте, где пролетает птица. Ты будешь не первым магом, сгинувшим подобным образом!

— Я очень осторожна! Со мной такого не случится! — пообещала Рита.

— Надо же, какое совпадение! Три четверти обитателей Потусторонних Миров, попавших туда раньше срока, были очень осторожны! Крайне осторожны! — едко произнёс Соловей.

Волоча за хвост тяжеленное чучело крокодила, на поле появилась маленькая, но сосредоточенная Маша Феклищева — единственная девчонка, которая, подходя по возрасту юношеской сборной, играла во взрослой. Соловей связывал с ней большие надежды, хотя вслух высказывал это только Тараху. С Машей же, следуя своему правилу не перехваливать, был суров и придирался к ней больше, чем к остальным.

— Молодец Феклищева! Роста ноль, руки слабые, очки как лупы, зато отваги вагон и драконов чувствует как родных! Ещё бы ей Танькиного ощущения полё-

та — цены б девахе не было! — говорил он питекантропу.

— Так ты потому её на этого норовистого крокодила посадил? Её ж на нём и не видно! — ухмылялся Тарарак.

— То-то и оно, что поэтому. Пускай помучается. Научится с крокодилом управляться — потом на пылесосе ей вообще делать нечего будет, — кивал Соловей.

Последней на тренировку пришла Лиза Зализина, державшая под мышкой часы с кукушкой.

— Здравствуй, Танечка! Здравствуй, Танюсечка! Как ты спала ночью? Мягкая ли была подушечка? А одеяльце? Шторки Чёрные тебя не душили? — затараторила она приторным голосом.

— Зализина, не устраивай истерику! — буркнула Таня.

— Какая истерика? Ты что, бредишь?.. Я просто сказала: здравствуй, солнышко! Здравствуй, золотце! Здравствуй, кисонька! Как тебе Ванечка Валякин? Ты его уже совсем заела, дрянь такая, или только собираешься?

В тоне Зализиной появилось что-то маниакальное. Взгляд её буравил Таню с такой ненавистью, что у неё кишки по часовой стрелке закручивались.

— Лиза, сделай мне большое человеческое одолжение! Отойди от Гроттер шагов на десять! — велел Соловей О. Разбойник.

Лиза неохотно подчинилась, на прощание одарив Таню ещё одним красноречивым взглядом.

— Странное дело, как сильно эти девчонки ухитряются друг друга ненавидеть! Прямо песок от ненависти плавится! Вот я, например, Горьянова тоже терпеть не могу, но чтобы так, как Зализина Таньку! Я прост как табуретка! Подрался — помирился, вот и весь разговор! На такую ненависть у меня и батареек бы не хватило! — сказал Жикину, который давно уже опустился на поле, Баб-Ягун.

— О дочери Евы! Коварство имя вам! Я бы скорее согласился родиться в следующей жизни гремучей змеёй, чем девчонкой! — со знанием дела проговорил Жора и закатил глаза.

— Змеёй, говоришь? И не надейся! Змеёй буду я. А ты, Жика, в следующей жизни родишься горным бараном! Или, точнее, козлом! Винторогим! — сказала Рита Шито-Крыто, внезапно возникая рядом и таинственно наклоняясь к Жикину.

— Ты что, подслушивала? Почему козлом? — не включился Жора.

— Они такие же самовлюблённые болваны! — сказала Шито-Крыто и удалилась в своей непредсказуемой манере.

Жикин проводил её задумчивым взглядом.

— Блин, злопамятность какая! Ну не хотел я тогда на свидание опаздывать! Случайно так вышло! — буркнул он.

* * *

Тренировка была чудовищно сложной. Соловей принадлежал к той породе беспокойных тренеров, которые пребывают в состоянии вечного эксперимента так же, как иные лопуховиды находятся в состоянии непрерывного гриппа. Он разбил команду на тактические пары и заставил выполнять сложные фигуры, отдавая пас в высшей, непредсказуемой для противника точке траектории. Сначала ни у кого ничего не получалось. Даже у Тани мяч летел совсем не туда, когда она бросала его в той самой высшей, замирающей точке. Встречный ветер не пускал из груди дыхание, от скорости трибуны смазывались, а поле внизу казалось не крупнее ладони. К тому же нередко мяч приходилось отсылать в положении, когда во время «мёртвой петли» небо и земля